

Татяна Демакова

Последняя страница

18+

Татьяна Демакова

Последняя страница

«Автор»

2026

Демакова Т.

Последняя страница / Т. Демакова — «Автор», 2026

пустой балкон. Умеем ли мы любить безоглядно, безусловно? Или все же больше притворяемся, играем роли, навязанные обществом и социальными штампами?

© Демакова Т., 2026

© Автор, 2026

Татьяна Демакова

Последняя страница

Последняя страница

У Антонины юбилей. Серьезная дата. Этот день рождения она решила отметить не так, как всегда. Без гостей, суеты и обычной пьянки. За два дня до юбилея сообщила всем знакомым, что срочно уезжает. Причин отъезда придумывать не пришлось, никто и не интересовался. В основном возмущались несостоявшимся торжеством.

- Ты, Антипова, линияешь, хочешь заныкать такой большой праздник, - на полном серьезе укорял ее бывший одноклассник и нынешний сослуживец, когда-то кудрявый, а сейчас лысый Вовка Пырко.

- Да, Тонечка, жаль, - пропищала чертежница Эллочка, когда Антонина сообщила ей о своем скоропалительном отъезде. Эллочка закатила большие рыбы глаза. – Помнишь, как мы чудно год назад повеселились!

- Как же помню, помню, - про себя подумала Антонина. – Напились, наелись и с кавалерами по домам расползлись. А я, как последняя дуреха, два дня до события спины не разгибая, готовила, убирала, и потом, уже после целый день приводила все в порядок после нашествия гостей. Надоело! А вслух сказала:

- Да, славный был вечерок! Как пели дружно, как азартно плясали...

- О да! – Эллочка свела глаза к носу. – У тебя всегда какие-то особые праздники. Умеешь ты, Тонька, людей расшевелить.

- Ну и фамильярность! – внутренне вспыхнула Антонина. – Нашла Тоньку! Я почти ей в матери гожусь, - и ужаснулась от этой мысли. Действительно, ей без двух дней сорок, а Эллочке всего двадцать два. Подруги! Но ведь это она сама, Антонина, упорно не хочет, чтобы величали ее по имени-отчеству.

- Повеселимся еще! Какие наши годы, - улыбнулась в почти бесцветные Эллочкины глаза.

Вечером, чтобы предупредить неожиданные визиты, она добросовестно, буквально по записной книжке обзвонила всех знакомых.

- Да, да, так получается, уезжаю. Юбилея не будет! – много раз повторила в телефонную трубку.

Особой печали в голосах она не услышала, и это ее расстроило. Обидно было осознавать, что в тебе не очень-то нуждаются. Хотя давно уже свыклась с мыслью, что любое торжество скатывается в самую примитивную пьянку, имеющую лишь начальный, будто бы убедительный повод.

Накануне дня рождения Антонина зашла в парикмахерскую. Как назло, ее знакомая мастерица в этот день пребывала в отгуле. Садиться же в кресло к незнакомкам Антонина запретила себе много лет назад. Слишком неприятны последствия после подобных экспериментов.

- Я своих клиентов иногда просто ненавижу, - буднично признавалась ей как-то пожилая блондинка в несвежем халате. - Кручу бигуди, а сама думаю, с каким бы удовольствием вырвала бы с корнем волосенки-то.

Антонину аж передернуло. Но сдержалась, вида не показала. Не вскочишь же с кресла, когда одна половина волос острижена. Оставалось заискивающе улыбаться, спрашивая участливо:

- Да... нелегко вам приходится. Все время стоя. Ноги, наверное, гудят к концу смены?

- Какой там гудят! Болят и ноют и руки, и ноги, - причитала мастерица. – А куда денешься, уже и до пенсии недалеко.

Конечно, и стрижка получилась соответственно признанию. Благо на улице стыла осень, и под беретом можно было скрыть творение равнодушных рук.

Случались и другие варианты, когда парикмахерши с увлечением обсуждали направления моды и уникальные линии сезона, а сотворяли прически образца «тетенька без возраста», эдакий рыжий барашек на голове.

- Ну ладно! Не суждено значит, - тряхнула Антонина отросшей темной челкой. – Останусь такой, какая есть.

Не спеша, она прошла по проспекту. Выбрав самые светлые витрины коммерческого магазина, вошла. Не скупясь, складывала в ажурную металлическую корзину затейливые упаковки разнообразной снеди.

- Не для прожорливых гостей, а для себя! Имею право хоть в сороковник себя немножко побаловать!

Дома она весь вечер наводила порядок. Пылесосила ковер, драила ванну, даже прибралась на антресолях, набрав целую коробку невесть откуда скопившегося мусора.

- Откуда у человека столько барахла набирается? – с возмущением перебирала старые блузки, засохшие тюбики с кремом, какие-то плоски и кастрюльки. Сколько раз собиралась выбросить, а потом думалось, вот к Светке на дачу отвезу или на пикнике пригодится. А тут вдруг что-то нашло – и разом все смела в кучу.

Будильник заводить не стала.

- Буду спать, сколько захочу – я ведь юбилярша! – устало подмигнула своему зеркальному отражению.

А проснулась ровно в семь.

- Ну, Тоня, поздравляю! – сладко потянулась. Потом представила, как обычно в этот день, встав ни свет, ни заря, жарила, парила и навьюченная сумками с кастрюльками, мешочками, тащилась на работу. Праздновать начинали в обеденный перерыв. Дальше самые неугомонные продолжали праздничный марафон дома. Антонина не успевала открывать двери, сбегались одноклассники, однокурсники, какие-то давние знакомые, кого звала и не звала. Все привыкли, у Антонины дом – полная чаша. Никто не догадывался, как дорого стоит эта чаша! Месяца за два до события, Антонина садилась на каше-овощную диету и методически покупала и складывала в холодильник пикантные деликатесы. Чтобы в грязь лицом не ударить!

Но все припасы съедались моментально. Иногда и позавтракать было не с чем. Было время, когда Антонина пыталась подсчитать, во сколько обходятся ей подобные пиршества. Сумма получалась космически-масштабной. Антонина расстраивалась до слез: «Лучше бы вещь полезную себе приобрела!» Но наступало пятнадцатое сентября, и все повторялось.

- И вот, наконец, сегодня все будет иначе! – Антонина нежилась под теплым одеялом.

За окном маячило сумрачное, промозглое утро. Провалившись в полудреме часа два, она поднялась разбитая и почему-то недовольная собой. Завтракать не хотелось. С трудом впихнула в себя какой-то заморский кекс, заварила кофе и закурила.

* * *

- Тоня, Тонечка! Может, не поедешь никуда, а? – глаза Юрки синие, в длинных пушистых ресницах, близко-близко возле ее лица.

- Да ты с ума сошел! – Антонина отстраняется. – Мы ведь уже и билеты купили.

- Их ведь сдать можно, - в голосе Юрки теплится надежда, - ты ведь не знала, что встретишь меня!

Действительно не знала. На районный вечер старшеклассников Антонина попала случайно. Одноклассница, у которой был приглашенный билет и обязательство перед завучем выступить на торжественной части с патетическим словом о молодежи, заболела.

- Тоня, выручай, - хрипела в трубку чернокудрая Оксана, - про все школы скажут, а мы опять за чертой останемся. Ну негоже это! По-комсомольски, с огоньком скажи!

- Ладно уж, как получится, - вздохнула Антонина, думая о том, что школьные характеристики еще не подписаны, а от Оксаны, оголтелой предводительницы комсомолки, ожидать можно чего угодно. А с неказистой характеристикой об институте можно забыть.

Но что-то сломалось в механизме вечера. Торжественную часть отменили. Прыщавая полная девушка в белой блузке и черной юбке проворно для своей комплекции выбежала на сцену и неожиданно тоненьким голоском объявила:

- Ребята! Сегодня здесь собрались лучшие старшеклассники района. Давайте будем знакомиться, веселиться и танцевать!

Кто-то зааплодировал. Ансамбль из длинноволосых парней, явных поклонников ливерпульской четверки, громко послал в зал музыкальные аккорды. Полненькая активистка, убегая со сцены, смешно закрутила бедрами, изображая движения модного в то время «шейка».

- Молодец, без комплексов, - улыбнулась про себя Антонина. Она искренне уважала вот таких раскованных выскочек, немного завидуя, что так не умеет сама.

Оглядевшись по сторонам и не обнаружив ни одного знакомого лица, Антонина решила уйти из зала, и стала пробираться к выходу через нарядные толпы девчонок.

- Куда же вы? – высокий белокурый парень схватил ее за руку.

- Отстань, - отмахнулась Тоня.

- А вот возьму и не отпущу тебя, - синие глаза парня озорно сияли. Слово за слово, они познакомились, и он пригласил ее на танец.

- Я сразу увидел, какие у тебя красивые глаза, - это Юрка скажет ей, когда пойдет провожать. – Наши девчонки обиделись, почему это я с «чужестранкой» весь вечер танцевал, да и еще ушел с нею. Тоня передернула плечиком, дескать, подумаешь, нашел, о чем жалеть. По дороге выяснилось, что живут они буквально в трех домах друг от друга. Прощаясь у Тониного подъезда, условились: завтра в десять утра встречаются у Юрки и вместе готовятся к выпускным экзаменам.

Родители Юрки с утра уходили на работу, и в распоряжении молодых была огромная трехкомнатная квартира. В те годы Антонина была девушкой наивной, романтичной и неискушенной в житейских расчетах. Только спустя несколько лет она узнала, что отец Юрки – генеральный директор крупнейшего на Урале завода, а мать – известный в городе адвокат. И, пожелай Тоня материального благополучия и сытого уюта, без особого труда вошла бы в эту обеспеченную семейку. Но в те весенние шестнадцать лет она не замечала роскошного мебельного гарнитура, сверкающего хрусталя, всяких дефицитных вкусностей. Рядом были только синие глаза, тихий голос, ласковое прикосновение рук.

Когда люди счастливы, им все легко удается. И он, и она прекрасно сдали школьные экзамены. И...

У поезда стояла ее мать, измученная нехваткой денег и тяжелым женским одиночеством, отца Антонина знала только по фотографиям.

- Скромной будь, осторожной. Пиши, - напутствовала тихо дочь.

Родители подруги, которая за компанию ехала с Тоней в столицу, прибежали к поезду за пять минут до отправления. Они внесли в купе букет сиреневых астр, энергичную волну очень занятых и деловых людей и запах заморской, тогда еще очень редкой парфюмерии.

Поезд тронулся! Юрка тоже был на перроне. Он стоял один. Как-то отстраненно от всей провожающей братии. В синих глазах стыли печаль и мольба: «Не уезжай!».

Чуть-чуть взгрустнулось. Но тогда, в далекой юности, Антонина не умела и не любила печалиться. Подумаешь, разлука! Да впереди еще огромное море таких синих преданных глаз.

С Юркой Антонина будет встречаться и на студенческих каникулах, и, когда он будет женат, а она замужем, но ни тогда, ни сейчас Антонина не могла ответить даже сама себе: были бы они счастливы, если бы решили пожениться? Наверное, все-таки нет.

Внешне очень разные: он – яркий блондин, высокий, хрупкий, она – брюнетка, небольшого роста, крепко сбитая. Но внутренне они были похожи своей непредсказуемой изменчивостью. Пожалуй, они измучили бы друг друга, перепутав игру с жизнью.

В строительный институт на архитектурное отделение Антонина поступила с первого захода, несмотря на огромный конкурс.

- Ты думаешь, поступила, потому что очень умная? – ехидно поинтересовалась родственница, у которой Тоня оставила чемоданы. – Да просто преподаватели клюнули на твою провинциальную внешность – коса, румянец...

Тоня лукаво улыбнулась в ответ. Две нежные ямочки обозначились на щеках, покрытых персиковым пушком. И про себя подумала:

- Я не собираюсь вам доказывать, что у меня светлая голова и к тому же уральский характер. По крайней мере, так считали все учителя школы.

Подруга ее срезалась на первом же экзамене. Три года подряд будет Светка штурмовать столичные вузы и со слезами возвращаться в постылую провинцию. Видно, кто-то свыше упорно не желал менять сценарий жизни коренной сибирячки.

Антонина поселилась в общежитии. Ей нравился этот неукротимый дух вольности – спи, сколько душа пожелает, гуляй хоть всю ночь, болтай о чем угодно с подружками. Парней возле Антонины всегда крутилось много, Ей нравилась многослойная дружба. С Вадиком, восточником из университета, она ходила в театр и на концерт, с одноклассником Игорем в библиотеку, а с Сашкой на тренировки. Еще в школе она серьезно занималась волейболом и без спорта тогда не мыслила своей жизни. Каждый из парней не догадывался о существовании соперника и считал Антонину своей девушкой.

А она была влюблена в преподавателя. По вечерам, отгородившись от всех самодельной ширмой из выцветшего общежитского покрывала, сочиняла стихи и письма своему избраннику. Иногда караулила его у входа в институт или месила грязь во дворе новостроек рядом с его домом, надеясь на внезапную встречу. Преподаватель, сорокалетний седеющий еврей с печальными глазами, не замечал восторженных влюбленных взглядов. Тогда Тоне казалось, что вся его чужаковатая отстраненность – признак загадочной романтической души и неизбывной тоски от не встреченной большой любви, которую, конечно же, могла подарить лишь она одна. А все оказалось проще – человек страдал от того, что очень желал уехать на свою историческую родину, а кто-то там наверху упорно препятствовал. Только через пятнадцать лет уедет Исаак Ильич к Мертвому морю. А спустя несколько месяцев в институтской газете появится некролог о внезапной смерти профессора. Но к тому времени Антонина и не вспомнила бы лица своего возлюбленного.

Очень часто вспоминая студенческие годы, Антонина с удивлением вглядывалась в себя прежнюю. Ей даже казалось, что не она это вовсе. А какая-то совсем незнакомая, посторонняя девушка, которую по жизни вели не ум, не сердце, а кто-то сверху определял все ее шаги и поступки. А иначе, как объяснить, что она, красавица, комсомолка, спортсменка, вдруг согласилась выйти замуж за Севку Косолапова. Фамилия точно соответствовала толстоватому, конопатому увальню.

Они познакомились на вечеринке.

- Достанется же кому-то такое чудо? – с усмешкой подумала Антонина, когда «чудо», выпив стакан красного вина, козлиным тенором исполняло романс «Я встретил вас».

Может быть, он взял ее измором. Он ходил за ней по пятам, встречая после занятий и карауля у закрытых дверей общежития. Косолапов познакомил Тоню со своими родителями. Коренные москвичи, они показались Тоне верхом интеллигентности. Намного позже Тоня поняла, что знание тех или иных книжных новинок, театральных имен еще ничего не значит.

Наверное, все же в какое-то мгновение она была даже влюблена в Севку. Ведь шилось белое платье, составлялось меню свадебного ужина, и велись разговоры о счастливой будущей жизни.

На третьем курсе она стала Косолаповой. Вскоре взяла «академку», вот-вот должна была родить. Студенческие годы для нее закончились. Как она жалела об этом сейчас! Куда спешила, чего искала?

Родилась у нее двойня. Два рыжих вылитых Севки.

- Молодая, а вся порвалась, как старуха! – ворчала врачиха, накладывая швы.

Эта процедура оставила жуткий след в воспоминаниях о родах. Никакого счастья, восторга, как обычно пишут в книжках, Антонина не испытала. Откуда-то возникла злость на Севку.

После выписки из роддома жить стали у родителей мужа. Ни поспать, когда хочется, ни поесть вне расписания. Свекровь строго управляла всем домом. Антонина решила:

- Уеду! Поеду к бабке в деревню, на свежий воздух, парное молоко.

Муж идею не опроверг, он, видимо, даже обрадовался, что отдохнет от орущей рыжеволосой двойни.

Бабка, увидев Антонину с коляской, нисколько не удивилась. Равнодушно посмотрела на правнуков:

- Живите! – прошамкала беззубым ртом и ушла в огород что-то допалывать.

Пацаны росли крепкими, особых хлопот не причиняли, так что Антонина успевала и пошить, и бабке помочь по хозяйству, да и почитать книги из деревенской библиотеки. От Севки она отвыкла, и когда он нарисовался на пороге с охапкой каких-то коробок и свертков, была удивлена.

- Все, мать, - Севка потряс ключами перед ее носом, - одни будем жить. Родители купили «кооператив», а мы в их квартире – полноправные хозяева.

Пока переезжали, устраивались, определяли детей в ясли, Антонина и не помнит себя. Как запрограммированная машина что-то готовила, покупала, с кем-то общалась.

А осенью вновь стала студенткой. Только теперь рядом с ней сидели люди младше ее и по годам, и, как ей казалось, на несколько жизней. Какими пустыми и легкомысленными казались интересы однокурсниц. После лекций парни и девчонки не спеша брели в соседний садик, кто-нибудь командировался в ближайший магазин за «сухачем». И под стакан, за сигареткой велись нескончаемые разговоры о смысле жизни, о новом театре, о других цивилизациях.

У Тони была своя цивилизация. После занятий она неслась в магазины, потом готовила, стирала, убирала. Когда Косолапов, он после окончания института просиживал штаны в каком-то НИИ, возвращался домой, комнатка сияла, сытный ужин дожидался в духовке, умытые аккуратные ребятишки тихонько доигрывали ясельные игры дома. Если хватало сил, Тоня садилась за конспекты и учебники.

Сейчас ей кажется странным, как она все успевала! Да еще и выглядела на все «сто»! На курсе никто и не догадывался, что стройная, моденькая, всегда с тщательно уложенной прической Косолапова – мать и глава семейства.

Как же начались их отношения с Юрием? Везло же ей на это имя!

Однокурсник. Невысокий, хрупкий. Пышные светлые волосы. Очень гордая посадка головы. Глаза голубые, небольшие. Подвижный рот. Нос, может быть, даже чуть-чуть длинноват. Если рассматривать все черты лица по отдельности – ничего особенного, а вместе всё – удивительная гармония, обаяние и нежность.

Сначала они будто бы случайно встречались на автобусной остановке. Говорили обо всем и ни о чем. Потом он стал провожать ее. Антонина хитрила и не называла своего адреса: а вдруг увидят соседи. Они расставались на соседней улице. И всякий раз при прощании глаза его застывали, как льдинки. Он не догадывался о том, что она замужем и у нее двое детей. И это

его незнание будто продлевало ей беспечную пору розовой молодости. Как говорила соседка, отягощенная тремя детьми:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.